

Наталья Солнцева

Три смерти Колумбины

Наталья Солнцева
Три смерти Колумбины

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н. А.

Три смерти Коломбины / Н. А. Солнцева — «Издательство АСТ»,
2015

ISBN 978-5-17-085668-8

Карнавал – любимое развлечение королей. Придворные закрывают лица и изменяются в угоду своей маске. Порой все низменные чувства – зависть, ненависть, злоба – выползают из ее пустых глазниц. Как интересно наблюдать за этим со стороны! Счастливая семейная пара вдруг распадается на двух напуганных людей. Они больше не доверяют друг другу. И все из-за того, что где-то рядом постоянно оказываются Коломбина, Арлекин и Доктор Смерть... Маскарад какой-то! Но ведь ряженые – реальные люди, и цель у них материальна: добыть часы королевского астролога... Книга ранее выходила под названием «Часы королевского астролога».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-085668-8

© Солнцева Н. А., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наталья Солнцева

Три смерти Коломбины

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.*

*Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать – та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты кресло подвигаешь ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем – не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.*

Анна Ахматова¹

© Н. Солнцева, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Москва. За несколько месяцев до описываемых событий

Первый день ноября выдался пасмурным, холодным. Старый парк ронял последнюю листву. Туман пластами лежал в низинах, оттуда тянуло сыростью. У оврага горел большой костер. Какие-то люди собрались у огня – не то греться, не то исполнять бесовский обряд.

Все, что не от Бога, – от лукавого. Много нынче развелось любителей заигрывать с древней магией, взывать к темным силам. Мало кто задумывается, во что сие легкомыслие может вылиться...

В эту пору дальние аллеи парка были пустынными. Редкие гуляющие старались держаться поближе к усадебному дому, к свету, падающему из окон.

Тучный господин в элегантном пальто торопливо прошел мимо группы причудливо одетых молодых людей, скользнул под сумеречную сень деревьев. Его мучила одышка, поясницу ломало. Он не ожидал, что так рано стемнеет. Приближаясь к каменному мостику, господин замедлил шаг и прислушался.

Казалось, чья-то тень преследует его, чьи-то глаза наблюдают за ним. Не опрометчиво ли он поступил, направляясь сюда один, без охраны? Где-то за его спиной похрустывали ветки, шуршали палые листья. Багровое пламя костра озаряло склоны оврага, очертания моста, тонущие в тумане...

Господин до боли в глазах всматривался в зеленоватую мглу. Ему показалось, что на той стороне мелькнули яркие одежды, послышалось, как цокают по камням женские каблочки. Неужели она? Пришла... не обманула...

Он двинулся было навстречу, но опомнился, удержал себя. Негоже ему, будто нетерпеливому юноше, мчаться на всех парах к долгожданной возлюбленной. Да и она далеко не восторженная и сентиментальная девица, еще на смех поднимет...

Господин тяжело дышал, ощущая, как бухает в груди сердце. Всего лишь летучее мгновение отделяло его от идущей по мостику женщины. Прекрасное и неповторимое, оно вдруг остановилось... хотя он об этом не просил.

Тук-тук... тук... Каблучки смолкли, и женский силуэт растворился в тумане...

Трещал костер, падали с ветвей капли, кто-то монотонно говорил вдали, заклиная эту безлунную ночь, это пламя и эту зеленоватую мглу.

Господину стало не по себе. Он оглядывался по сторонам, но ничего не видел, кроме темных мокрых стволов, жарких языков огня и густого тумана.

Он хотел позвать женщину... и не смог. Язык ему не подчинился, в боку зашевелилась ноющая боль. Пустые, слепые глазницы смерти холодно взирали на него из окружающего мрака...

* * *

Франция, XVI век. Париж, Лувр

Рожденные в порфире несут на себе печать божественного... или дьявольского. У них – другая кровь, другие мысли, другая жизнь и другая смерть. Они по-другому любят и ненавидят. В их судьбе правят бал золото, интриги и власть. Они купаются в роскоши, но порой чувствуют себя беднее самого последнего подданного. Их могущество эфемерно, и порой они – самые несчастные из людей. Заложники короны, которая их возвышает и убивает.

Маргарита не любила Лувр, его холодную пышность, запах оплывших свечей и пыльных ковров, шорох бархатных драпировок, вечные сквозняки, сырость темных переходов, гулкие шаги гвардейцев, бряцание оружия и приглушенный шепот придворных. Здесь всем заправляла ее мать, хитрая флорентийка Екатерина Медичи. Она родила французскому королю Генриху II семерых детей, а он открыто изменял ей с красавицей Дианой де Пуатье. Пролывая слезы в своей одинокой постели с балдахином, затканным королевскими лилиями, Екатерина проклинала неверного мужа.

Вначале поговаривали, что она привезла из Италии редкий и страшный яд и что дни фаворитки сочтены. Однако королева оказалась умнее и дальновиднее своих недругов. Чужая в этой стране, где не прекращалась борьба влиятельных кланов за трон, а двор погряз в сплетнях и разврате, она постепенно, незаметно прибрала к рукам бразды правления. Пока король устраивал рыцарские турниры и наслаждался любовью в объятиях прелестной Дианы, его супруга постигала науку плести интриги, приобретала сторонников и заручалась тайной поддержкой вельмож.

Ходили слухи, что в покоях Екатерины творятся темные дела. Привезенный ею из Флоренции некий Козимо Руджиери, астролог и колдун, при помощи черной магии расчищает своей покровительнице путь к власти. Руджиери якобы мастерски изготавливает яды и чудесные духи, однако этими духами мало кто решается пользоваться. Также личный астролог королевы постоянно наблюдает за звездами, и без его совета Екатерина шагу не ступит. В узком кругу ее приближенных шептались, будто Руджиери магическими заклинаниями собирается известить короля. Такие слова могли стоить сплетнику жизни, поэтому повторять их боялись.

Как бы там ни было, а на одном из турниров король-рыцарь, выступавший с цветами «прекрасной дамы» де Пуатье, был тяжело ранен графом Монтгомери, капитаном шотландской королевской гвардии. Совершенно случайно, разумеется! Копье противника со страшной силой ударило в шлем Генриха, повредило забрало, сломалось, и его осколки вонзились в лицо монарха. Крик ужаса пронесся по рядам придворных. Поверженного короля унесли с ристалища, Диана лишилась чувств, а законная жена поспешила за умирающим мужем... О

чем думала она в те минуты? Что чувствовала? Скрытое торжество, полное опустошение, запоздалое раскаяние, жалость... или жестокую горечь любящей, но нелюбимой женщины?

Король умер. Да здравствует король! Благодаря Екатерине Франция получила наследников престола. Сыновья короновались и вступали на трон, а их мать оставалась в тени. Но именно она предопределяла политику при дворе, и без ее ведома ни одна мышь не могла прошмыгнуть по затхлым закоулкам Лувра.

Мрачный италянец Руджиери, пользуясь магическими приемами и толкая расположенные светила, предсказал королеве-матери закат династии Валуа. Одного за другим потеряет она сыновей, и Париж достанется их троюродному брату, ненавистному предводителю гугенотов Генриху Наваррскому.

– Замолчи! – вскричала бедная женщина, в ярости разрывая кружевные манжеты. – Не смей... Этот проходимец, блудливый пес, замахаха, от которого разит лошадиным потом, никогда не сядет на трон Франции! Я не допущу!

Козимо склонился в почтительном поклоне. «Как вам будет угодно, ваше величество», – говорила его поза. «Увы, над королевством встает звезда Бурбонов!» – говорили его глаза, когда он поднял их на ошеломленную Екатерину.

– Этому не бывать, – прошептала она. – Не бывать...

Но уже сама не верила своим словам. Возможно, именно в тот роковой миг у нее родилась безумная идея одним махом покончить с Генрихом де Бурбоном и его приспешниками. Да, прольется много крови. Кто сказал, что путь монархов должен быть устелен розами? Стезя сия – удел сильных.

Екатерина решила бороться до конца, и разменной монетой в этой борьбе должна была стать ее дочь Маргарита. Прелестную овечку придется отдать на заклятие. Когда речь идет о судьбе правящей династии, любые средства хороши. Тут не до сантиментов.

Маргарита была седьмым ребенком, самой младшей дочерью Генриха II и Екатерины Медичи. Она рано повзрослела, расцвела, поражая окружающих дивной красотой, сообразительностью и независимым характером. Строптивница доставляла матери и братьям множество хлопот. Едва ей исполнилось шестнадцать, она без памяти влюбилась в герцога Гиза – об их бурном романе знали даже камеристки и дворцовые истопники.

Ее брат – король Карл IX – запретил ей думать о браке с герцогом. Маргарита неистово рыдала, запертая в своей спальне, а он пытался ее урезонить.

– Посуди сама, Марго... Гизы принадлежат к Лотарингскому дому, а твой... хм... возлюбленный возглавляет всех католиков Франции. Женившись на тебе, он, пожалуй, заявит права на корону. Мы не можем так рисковать.

– Это она! – вопила Маргарита, мечась по комнате, как бешенная кошка. – Это проделки нашей матери! Она подговорила тебя, братец, признайся же! Я люблю его... Вы не поступите так со мной!

Карл озадаченно качал головой.

– Успокойся. Мы прежде всего печемся о благе государственном, а потом уже о личном. И ты, как принцесса рода Валуа, должна...

Маргарита, заливаясь слезами, упала перед братом на колени.

– Она что-то задумала, я чувствую – произойдет страшное... Карл! Умоляю тебя, не слушай ее!

За гобеленом, который закрывал стену, раздался странный шорох. Маргарита вскочила, дико озираясь.

Болезненно бледный Карл взял ее за руку – та была холодна, как лед.

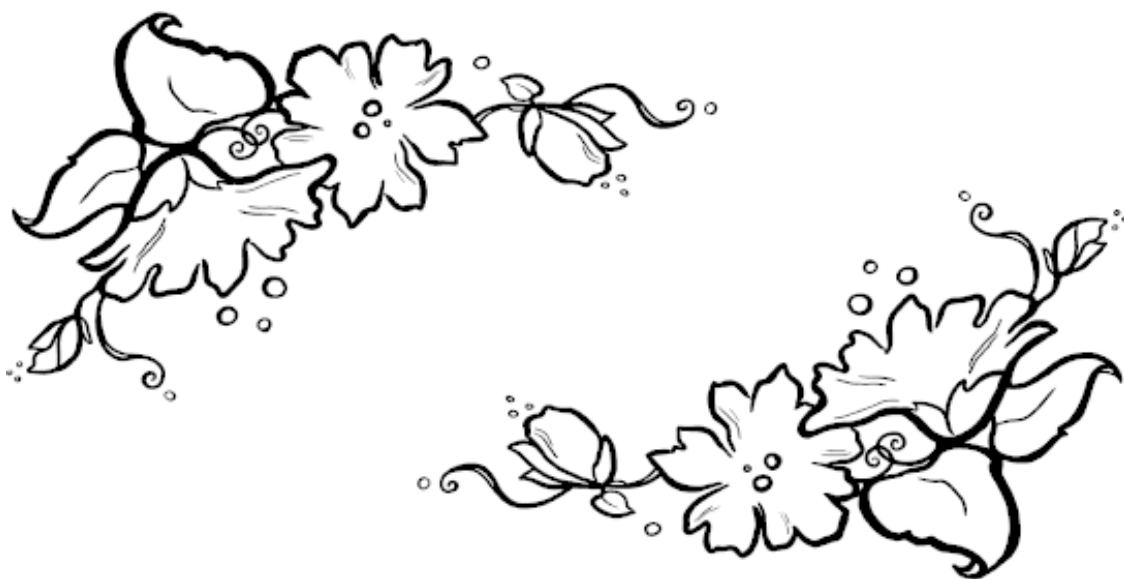
– Что с тобой? Ты вся дрожишь...

– Она здесь! Повсюду ее глаза и уши. Она подслушивает нас...

Маргарите показалось, что в спальню проскользнула черная тень королевы-матери.

– Я боюсь, Карл! Я боюсь ее...

Глава 2

Москва – Камышин. Наше время

Матвей Карелин, владелец конструкторского бюро, был в прекрасном расположении духа. Бизнес расширялся, прибыль росла, и это позволило ему нанять директора, который освободил его от множества мелких обязанностей и необходимости контролировать каждый заказ.

Теперь Матвей мог больше времени уделять мальчишкам из военно-спортивного клуба «Вымпел», где он вел группу «трудных подростков», и частному сыску. К последнему его приобщила Астри Ельцова – женщина обаятельная, умная, но довольно странная. Обстоятельства сложились так, что она потребовала от Карелина назваться ее женихом, чуть ли не гражданским мужем, и он не сумел отказать. Положение усугублялось отношениями с родителями Астры – состоятельной парой, которые души не чаяли в единственной дочери и принимали Матвея у себя в доме как будущего зятя. Астри забавлялась, он злился.

Иногда ему казалось, что она крутит с ним роман. Иногда – что она водит его за нос, дразнит и насмехается. Она то загоралась, то охладевала, то допускала *интимные шалости*, то становилась неприступной и этой двусмысленностью доводила его до белого каления. У нее были причуды, которые могли оттолкнуть любого мужчину, однако с учетом капитала ее отца – Юрия Тимофеевича Ельцова – у нее не было бы нужды в искателях руки и сердца. К сожалению или к счастью, свадьба Астры расстроилась. Измена, скандал и, наконец, гибель жениха повлияли на ее жизнь: Астри решила покинуть родительское гнездо, уехать куда глаза глядят, устроиться на работу. Случай забросил ее в тот самый глухой подмосковный поселок Камышин, где у Матвея был дом.

Бабушка Анфиса оставила внуку в наследство рубленые хоромы из трех комнат и кухни с большой русской печью, сад и огород. Баню он построил сам – новую, но по всем старинным правилам. Нужно же было Астре забрести именно на ту улочку именно в то время, когда туда приехал Матвей? Видно, существует эта штука – судьба. Какие бы повороты ни делал жизненный путь, а к своему приведет.

Ни к чему не обязывающее знакомство переросло в тесную дружбу, которой, как известно, между мужчиной и женщиной не бывает. «Что нас связывает?» – время от времени спрашивал себя Матвей и каждый раз отвечал по-разному.

Астра была не похожа на других женщин. Но разве не думает так любой влюбленный? Хотя Матвей не мог согласиться на роль ее воздыхателя, он все же отдавал себе отчет, что уже не представляет жизни без нее. Без ее дурацких рассуждений и нелепых суеверий. Без ее «ясновидения», в которое он не верил. Однако ей удавалось как-то угадывать, что произойдет, а ее глупые на первый взгляд выводы часто оказывались правильными. Она называла *зеркало* по имени и разговаривала с ним, как с человеком, – притом еще утверждала, что получает от него подсказки. Она не расставалась с сухим корешком, завернутым в алую тряпицу, и называла его «мандрагоровым человечком», *Альрауном*. Она обожала огонь, накупала свечи пачками, повсюду их расставляла и зажигала, окружая себя язычками живого пламени. Она повесила в квартире свой портрет, написанный знаменитым художником Домниным,² уверенная, что это ее *Двойник*. Она...

Впрочем, Матвей мог бы бесконечно перечислять ее достоинства и недостатки, путая одно с другим. Он мог бесконечно удивляться, возмущаться или негодовать, но три дня без Астры делали его раздраженным брюзгой, который не находит себе места. Он начинал скучать по ней, звонить, приглашать поужинать или прогуляться...

Вот и сейчас его подмывало набрать знакомый номер, услышать ее голос и с радостью пуститься выполнять поручения Астры. Конечно, он купит красного вина, которое она любит. Конечно, он заедет в супермаркет за продуктами, потому что у нее пустой холодильник. И чем она только занимается? Предвкушает очередное расследование? Часами сидит перед *зеркалом*? Путешествует по своим снам вместе с *Альрауном*? Беседует с *Двойником*? Или смотрит в окно на тающий снег?

Он терпел до обеда, а потом все-таки не выдержал – позвонил и услышал неожиданное:

- Хочу в Камышин. Поедем?
- С удовольствием.
- Затопишь баню? У тебя есть травы для пара?
- У меня все есть.

Астре приснился дом камышинской немки баронессы Гримм, где она служила компаньонкой и где едва не погибла при пожаре.³ Ее потянуло на Озерную улицу, на пепелище... Интересно, что там? Руины, занесенные палой листвой?

Матвею она об этом говорить не стала.

Легкие на подъем, уже к вечеру того же дня они выехали в Камышин. Добрались без приключений. Синяя весенняя ночь стояла над поселком, луна застыла над крышами, свет фар выхватывал из темноты деревянные заборы, спящие дома. Улочка будто вымерла.

«Пассат» Карелина притормозил у дома бабушки Анфисы. В окне теплился огонек, из трубы шел дым. Залаяли соседские собаки.

– Дед Прохор печку протапливает, – обрадовался Матвей. – Молодец старик.

Камышинский старожил появился на крыльце, приставил ладошку к бровям, всматриваясь, кто пожаловал.

– Принимайте гостей, Прохор Акимыч! – крикнула Астра.

Дед, припадая на левую ногу, заковылял к воротам.

– Ты, гляжу, не один. Давай, голуба, ступай к печурке... грейся. Я тама самовар поставил. Сахар привезли?

² Читайте об этом в книге Натальи Солнцевой «Последняя трапеза блудницы».

³ О связанной с этим детективной истории читайте в романе Н. Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

Старик ждал гостинцев из города: пачку хорошего табака для самокруток и кусковой сахар – любил пить чай вприкуску.

– Привезли, дед...

Матвей с хрустом потянулся, вдохнул холодный, чистый деревенский воздух. Ох, и хорошо! Сад, залитый луной, казался голубым. Большие звезды рассыпались по небу, словно пригоршня самоцветов.

Проход Акимыч повел Астру в дом, в тепло – в просторную кухню с выскобленным добела столом. На блюде блестел боками самовар, рядом горела керосиновая лампа. Угол занимала большая русская печь, расписанная синими цветами. Ситцевые занавески на окнах были задернуты, домотканые половики скручены и сложены в углу.

– С утра свет отключили... – жаловался старик. – Ироды. Полонка у них.

Астра, вместо того чтобы возмутиться, расцвела.

– Значит, будем жечь свечи! Печку топить!

– Дак я уж растопил. Дров-то у хозяина твоего целай сарай. Жги, не хочу. Запасливый он у тебя.

Астра присела на маленькую самодельную скамеечку – поближе к огню. В щелях заслонки багрово вилось пламя, урчало, поедая березовые поленья.

– А что, дом на Озерной улице, где немка жила, никто не купил?

Камышинскую баронессу знали все.

– Дак нету дома-то. Головешки одни! – радостно сообщил охочий до сплетен Проход. – Кому они нужны?

– Может, родственники объявлялись...

– Не, не было никого. Сразу бы слух прошел. А Матвей тебе кто? Жаних? Али муж?

Астра неопределенно пожала плечами, и дед смущенно крякнул, примолк. Нынешняя молодежь к венцу не торопится. Так живут, в блюде. Блудных детей зачинают... а потом волосы на себе рвут!

– В церкву народ не ходить, от того и беды все, – убежденно произнес он. – У меня самого внуки бестолковые. Ленивые и на самогон падкие. Мудрость стариковскую в их пустые головы насильно не втемяшишь! Так и помру, унесу в могилу.

– Кого?

– Мудрость! – рассердился Проход. – Непонятливые вы! Крученые-верченые. Небось не повенчались с Матвеем-то?

– Не повенчались...

– Вот! – Старик поднял вверх изуродованный подагрой, желтый от никотина указательный палец.

Астра спрятала улыбку.

– Он не хочет, Проход Акимыч! – изображая невинность, посетовала она. – Хоть вы ему скажите. Чем я плоха?

Дед прищурил подслеповатые глаза. Хороша девка, возраст на выданье... и в теле, не худышка, как некоторые, что голодом себя морят. Всё при ней. Волос не стриженный – не коса, правда, но и не кудряшки обсмыканные. На бабу похожа, а не на барана.

– Я с ним поговорю... – пообещал старик. – Я ему мозги-то вправлю!

Астра осталась довольна. Не зря она на актрису училась. С профессиональной сценой у нее не сложилось, но она не жалеет. Чем жизнь хуже театра?

* * *

Москва

Глебов прислушался.

Магда говорила по телефону. Она старалась произносить фразы, по которым нельзя определить ни кто ее собеседник на другом конце провода, ни смысл сказанного. «Да»... «Хорошо»... «Понимаю»... «Нет»...

Куда подевались ее словоохотливость, ее непринужденная манера выразить свои мысли, саркастический тон?

– Ты уходишь?

Магда выглянула из своей комнаты, похожей на спальню султанши из-за обилия диванов, турецких подушек, низких инкрустированных столиков, кистей, атласа и бархата.

– Да, спешу, – деловито ответил супруг, прикидываясь поглощенным текущими заботами. Бизнес, контракты, поставки оборудования. – У меня совещание в девять.

Она молча прикрыла дверь, затихла. Наверное, улеглась на свою кровать под прозрачным балдахинном, расшитым звездами, уставилась на них и погрузилась в эротические грезы. У нее было столько фантазий, что любой мужчина утомился бы, пытаясь их осуществить. Иногда она бывала ненасытной, а иногда – холодной, отрешенной, словно Спящая красавица, и тогда Глебову казалось, что он целует мраморную статую.

Они все чаще спали порознь – Магда у себя, а Глебов – в гостиной. Он возвращался домой за полночь, тихо раздевался, принимал душ и ложился на приготовленную домработницей постель. С некоторых пор она стелила ему в гостиной на диване, и Глебов уже не мог вспомнить, сам он попросил ее об этом или Магда. Кажется, инициатива исходила от жены. Какая разница? Его такое положение вещей устраивало. Магда, как он полагал, хотела его припугнуть своей немилостью. Но она просчиталась – Глебова только обрадовало отлучение от супружеских обязанностей. Да, он удовлетворял свой сексуальный голод на стороне – с любовницей. Не обремененной умом и принципами, зато темпераментной и непритязательной.

Магда ничего не замечала... или делала вид, что не подозревает о похождениях мужа. Глебов не хотел скандалов в семье, поэтому тщательно скрывал свою связь.

Были моменты, когда он готов был раскаяться, упасть жене в ноги, признаться во всем, вымолить прощение и снова, как прежде, боготворить ее, угождать, пресмыкаться. Вот это его и останавливало. *Пресмыкаться...* Зачем? Во имя чего? Постепенно приступы раскаяния сошли на нет, осталось только недоумение и мрачное, желчное раздражение. Что он когда-то нашел в Магде? Чем она его приворожила, свела с ума?

Он пытался внушить себе равнодушие к ней, и у него почти получилось.

Алексей Дмитриевич Глебов занимался куплей-продажей медицинского оборудования и фармацевтической продукции, а в последнее время открыл частную клинику, где решил объединить полученные знания с достижениями науки. По настоянию родителей он окончил медицинский институт, пробовал себя в хирургии, но забросил. Коммерция интересовала его куда больше, чем самоотверженный труд врача, который плохо оплачивался и не сулил ничего, кроме нервозности и угрызений совести. Медицина безнадежно проигрывала болезням, а Глебов не желал ходить в аутсайдерах. Скепсис уживался в нем с гуманистическими идеями, поэтому он выбрал иной способ помогать ближним – снабжать страждущих новейшими лекарствами и диагностической аппаратурой. Что касается клиник, то он предпочел ими владеть, нежели практиковать в них.

Отец Алексея в бытность свою влиятельным чиновником Минздрава обеспечил сыну достойный старт. Учрежденная младшим Глебовым фирма «Медиус» быстро начала приносить прибыль, и родитель спокойно удалился на покой. Впрочем, сын и сам оказался не промах – его умению вести дела мог бы позавидовать опытный бизнесмен. Откуда только взялись хватка и чутье, способность извлечь выгоду из безнадежной ситуации и обернуть ее себе на пользу!

Заслуженный пенсионер Глебов по праву гордился единственным сыном. Тот еще в школе отличался умом, смекалкой, усердием и настойчивостью. Учился без троек, поступил в институт хоть и по протекции отца, но тому краснеть за отпрыска не пришлось. Звезд с неба Алексей не хватал, зато ко всему подходил основательно. В том числе и к отношениям с прекрасным полом.

Он рано стал нравиться девушкам, еще в старших классах, – ухаживал то за одной, то за другой. Без фанатизма, без подростковой восторженности – ради интереса. С легким волнением целовал их юные теплые губки, обнимал за хрупкие плечи, ничего не обещая, ни на что не претендуя, проживая это мгновение, как мотылек проживает соприкосновение с цветком – полакомился и полетел дальше.

В институте ему прочили в жены дочку декана, спортивную розовощекую активистку, отличницу, с крепкими ляжками и упругой грудью. Ее звали Кристина. На студенческих вечеринках она прижималась к нему своим горячим телом, обдавая запахом лимона и кориандра. Это сочетание ароматов до сих пор напоминало ему первый сексуальный опыт – настоящий, без детской робости и стыда, без лирики и сердечного смятения. Кристина отдалась по-медицински грамотно, со здоровым аппетитом созревшей самки, не забыв при этом о надежной контрацепции.

Глебов даже не пытался дать себе отчет, что его больше поразило – ее бесцеремонность или собственное разочарование. Он словно побывал на приеме у сексопатолога, который на практике показал ему, как следует получать наслаждение в супружеской постели. После бурного оргазма «пациента» стошнило от одной мысли, что они *будут заниматься любовью* точно так же завтра, через неделю, через месяц... В сексе с Кристиной было много биологии и совсем мало чувства.

Алексей еще некоторое время пытался убедить себя, что так и должно быть: трезвость необходима в любви, как и в жизни, и что опьянение лишает человека здравого смысла, толкает его на глупости.

– Твое либидо похоже на грозовую тучу, – однажды сказал он Кристине. – Созрело, выскло молнию и разрядилось проливным дождем. Просто природное явление, ничего больше.

Она обиделась, ее глаза покраснели, наполнились слезами. Что в этом плохого? Разве человек – не часть природы?

– Кажется, ты хочешь меня оскорбить? – со сдержанным негодованием прошептала она.

– Я констатирую факт... Ставлю диагноз, – лениво произнес он.

– Любовь – не болезнь.

– Еще какая болезнь! Опасная, неизлечимая... А мы с тобой в норме, оба! До неприличия пышем здоровьем.

Кристина смотрела на него, как на умалишенного.

– У двух здоровых людей будет здоровое потомство... – брякнула она.

– Кажется, ты путаешь меня с племенным быком.

– А ты меня – с голландской короной! – взвилась Кристина. – Я тебя силой в постель не тащу!

– Мы удовлетворяем свои инстинкты – ты и я, по обоюдному согласию.

Он ее допек! Она замахнулась, хотела влечь ему пощечину. Он перехватил ее руку, играючи, перевернул ничком, шлепнул по тугим ягодицам.

– Ты не хочешь здоровых детей? – пробормотала она, лежа лицом вниз на смятых больничных простынях.

– Зачем ты принимаешь таблетки, если жаждешь стать матерью?

– Всеу свое время.

Кристина заранее распланировала свою жизнь – по пунктам, по степени важности. Расставила приоритеты, разметила, рассчитала. И включила туда Алексея Глебова, самого красивого и перспективного жениха на курсе.

Ее отец устроил их вместе на практику в престижную клинику, отлично понимая, как сближают вечерние дежурства, молодость и мягкий диван в ординаторской. С таким зятем, как Глебов, вернее, с Глебовым-старшим можно будет решать вопросы в министерстве, устроить дочери защиту докторской, много чего выбить для себя, для факультета, для... Словом, дело за Кристиной.

– Леша не собирается на мне жениться...

Эта фраза, произнесенная зареванной дочерью, обрушилась на декана как гром среди ясного неба. И ведь не надавишь на чиновничьего сынка, не прижмешь подлеца, не припугнешь отчислением, зарубленной карьерой. Глебовы сами с усами, к ним не подступишься – себе дороже выйдет.

– Ты женщина, тебе и карты в руки, – вспыхнул декан. – Надеюсь, хватило ума забеременеть? Учить тебя, что ли? Где я тебе еще найду такого, как Глебов?

Кристина рыдала в голос, кусала локти от своей «предусмотрительности». Трезвый подход к любовным забавам сыграл с ней злую шутку. Она изнывала от страсти, а Глебов отвергал любой интим. Он не собирался связывать себя узами брака. Заметив однажды, что она не принимает, как обычно, таблетку, он насторожился. И выскользнул из расставленных сетей.

– Со студенческой скамьи – и в ЗАГС? – усмехался он. – Это слишком головокружительный трюк для такого приземленного парня, как я.

– Мы любим друг друга! – заклинала Кристина.

– Я не хочу принуждать тебя делать аборт.

Он совершенно охладил к ней, как будто не было между ними ни жарких ласк, ни сладких поцелуев, ни взаимного влечения. Минуты наслаждения свершились и отцвели, опали, словно тронутые морозом листья.

Прошли годы, прежде чем Глебов встретил другую женщину – Магду... и весь запылал, погрузился в блаженную истому, вопреки логике и хваленому рассудку.

Алексей не задумывался, как назвать то, что он испытывал при одном только взгляде на Магду – на ее темные с медным отливом волосы, на ее округлые формы, выступающие из-под пестрого платья, на ее изящную и легкую походку. Она ярко, вычурно одевалась в индийские ткани, шаровары, пышные юбки, в длинные, до пят, туники – восточная птица, залетевшая в чужой сад. Украшения с большими камнями удивительно шли к ее светлой коже, и Глебов запоздало узнал, как могут аметисты и гиацинты⁴ менять цвет глаз от густого индиго до изумрудно-зеленого и прозрачно-голубого.

Алексей предпочитал стильных, интеллигентных женщин, которые во всем придерживаются золотой середины, умных, уравновешенных и покладистых. Магда была полной противоположностью. Она не признавала никакого стиля – вернее, изобрела собственный, и вместо середины ударялась в крайности. Ее ум напоминал скифский курган: чтобы докопаться до глубоко упрятанных сокровищ, следовало перелопатить горы земли. Впрочем, Магду не волновало, сочтут ее умной или дурочкой. О покладистости речь вообще не шла – похоже, Магда

⁴ Гиацинт – драгоценный камень красного, желтого или оранжевого цвета.

понятия не имела, что это такое. Она делала только то, чего хотела сама, не обращая внимания на потребности окружающих. Страдала ли она особой формой эгоизма или имела такое свойство характера, Глебов определить не мог. Он не мог *думать* о Магде, он ею *бредил*...

Они встретились и познакомились в Венеции – городе на воде. Считающий себя эстетом Глебов мечтал побывать там чуть ли не с детства. Гулять по знаменитой площади Сан Марко под сенью позолоченного ангела, зайти в кафе, где сживали Байрон и Хемингуэй, скользить в изящной гондоле по Большому каналу, любясь отраженными в нем мраморными дворцами, вдыхать соленый воздух лагуны и острых итальянских кушаний, пить молодое вино, ловить взгляды праздных, кудрявых и смуглых женщин... Непременно кудрявых и смуглых!

Ему перевалило за тридцать, и он подарил себе эту поездку – путешествие в средневековый город, полный знаменитых теней, роскошных палаццо и ажурных мостов. Солнце, мрамор и тусклый блеск каналов создавали золотисто-розовую дымку, из которой материализовалась тонкая, яркая женщина, – темноволосая, бледнокожая, с глазами газели, в бирюзовом платье, раздуваемом ветром...

По общепринятым меркам Магду вряд ли можно было назвать красавицей. Неправильные черты лица, неправильная фигура, слишком простая прическа, нелепая манера одеваться – по отдельности все никуда не годилось. Чего стоили ее босоножки со стразами и сумочка с бахромой?! Но в целом от Магды нельзя было оторвать взгляда.

Глебов задохнулся... и впервые в жизни ощутил боль в груди, почувствовал, как сильно забило, зануло сердце, а во рту появился привкус крови...

Теперь он понимал, что тогда ему в лицо ударил соленый ветер с моря, а он принял это за порыв страсти.

Глава 3

Камышин

– Зачем мы сюда пришли?

Матвей недовольно смотрел на зияющие пустыми провалами окон руины бывшего коттеджа баронессы Гримм.

– Сама не знаю... – прошептала Астра.

Они шли вдоль забора. Повсюду капало. Снег стал серым, грязным. Сад не пострадал от пожара, и его ветки торчали на улицу, словно тянулись к прохожим, пытались их задержать.

– Видишь?

– Что я должен видеть? – поднял брови Матвей.

– Сад тянет к нам руки... хочет что-то сказать.

– Такие же «руки» торчат из-за каждого забора.

Астра остановилась, задержала дыхание.

– По-моему, здесь все еще бродит дух баронессы.

– С какой стати?

Астра прижалась к забору и прошептала в глубину заброшенного двора.

– *Зеркалоу* меня. С ним все в порядке. Я его берегу...

Она заново переживала ту страшную ночь, когда баронессу и ее дом настигла смерть. Хозяйка умерла до пожара, Астре же чудом удалось выскочить из объятых пламенем коттеджа. Она вынесла только свою сумку, куда положила венецианское зеркало госпожи Гримм, мандрагоровый корешок и флэшку с любительским фильмом, который состоял из разрозненных фрагментов, объединенных странной символикой.

– Дом тоже умер, – грустно произнесла Астра и показала на большое окно. – Вон там была моя комната. Вернее, комната, предназначенная для компаньенок баронессы. Порой мне кажется, что госпожа Гримм ждала именно меня. Я должна была поселиться в ее доме, обнаружить тайник в стене и забрать *Альраунаи* флэшку. Она предвидела свою смерть!

Матвей жестом выразил несогласие.

– Мы уже обсуждали это.

– Зачем, по-твоему, она бросила Германию и притащилась в богом забытый Камышин? Ради местных красот?

– Мать Иды Вильгельмовны была русская, не так ли?

– Не говори мне *оностальши!* – закатила глаза Астра. – Баронесса не видела России – она родилась на немецкой земле.

– А ты не говори о ее кельтских корнях!

– Я и не говорю.

Астра насупилась. Какая-то давняя тайна стояла за всем, что произошло тогда на Озерной улице, за смертью госпожи Гримм, за видеозаписью на флэшке.

– Давай лучше поговорим о твоих кельтских корнях, – повернулась она к Матвею. – У тебя ведь тоже есть *Двойник? Брюс...* потомок шотландских королей.

– Который наблюдал за звездами в подзорную трубу и переплавлял свинец в золото?

– Признаешь?

– Нет, разумеется.

Карелин лукавил. Были моменты, когда он вдруг начинал ощущать другую реальность... восемнадцатый век, время смелых преобразований Петра Великого, – в нем будто просыпался другой человек: царедворец, фельдмаршал и чернокнижник. Одни называли его колдуном и алхимиком, другие – героем и ученым, третьи – астрологом и масоном, четвертые – самой загадочной личностью в окружении Петра I.

Матвей ловил себя на том, что он думает, как граф Брюс, рассуждает, как граф Брюс, и знает то, что мог знать только граф Брюс. По стечению обстоятельств, у него даже появился костюм графа – камзол, парик, рубашка и башмаки с пряжками. Можно объяснить, как попал к нему этот костюм: мальчишки из «Вымпела» пригласили наставника на Хэллоуин и добыли для него наряд петровского вельможи.

Но как попали к нему *мысли Брюса*?

Астра твердила, что совпадений не бывает. Просто не всегда удастся связать причину и следствие. С некоторых пор Матвей склонен был признавать ее правоту, но далеко не во всем и не всегда. Есть же еще здравый смысл, кроме диких фантазий!

Например, Астра приписывала эпизодам с флэшки чуть ли не пророческое значение. Они-де отображают будущие события. Кое-что уже сбылось – не в точности. Кое в чем можно было усмотреть сходство – но весьма отдаленное. Нельзя отрицать, что среди разрозненных отрывков присутствует так называемая «усадьба Брюса» – дом графа в подмосковных Глинках. А все остальное вызывает сомнения.

Астра множество раз просматривала странные кадры и запомнила их наизусть:

Змея, обвивающая ствол могучего дерева... всадники, скачущие за диким кабаном, который заманивает их в туман... мрачные своды замка и котелок над огнем... бронзовая русалка на постаменте посреди круглого водоема... танцующие маски венецианского карнавала... отрубленная голова на золотом блюде... фасад усадебного дома в Глинках... ряженые сжигают соломенное чучело... любовники в масках на ложе страсти... Млечный Путь на звездном небе... мраморная статуя Афродиты в венке из цветов мандрагоры... корова, жующая траву... повешенный раскачивается на виселице... фонтан, куда туристы бросают монетки...

Кто, когда и зачем сделал эту видеозапись? Сумасшедший убийца, который уже мертв? Призрак, явившийся из потустороннего мира?

Астра говорила о кельтской магии, об умении превращать воображаемые вещи в реальные – картинки могут воплотиться в действительность!

Матвей возражал... *Брюс* верил, что такое возможно. По его мнению, флэшку следовало уничтожить.

Астра была против. Она пришла к дому на Озерной улице, чтобы *посоветоваться с баронессой*... «Госпожа Гримм, похоже, дала отрицательный ответ».

* * *

Пять лет тому назад. Венеция

Магда водила, вернее сказать, *возила* его по улочкам-каналам, и запах мокрых камней и сырости казался ему слаще аромата роз, а плеск воды звучал, как волшебная флейта. Глебов не замечал прославленных красот столицы карнавалов – он ловил каждый вздох Магды, каждое движение, каждый поворот ее головы. Он жалел, что не умеет писать картин: эта женщина была достойна кисти художников Возрождения – совершенство античности сочеталось в ней с чувственностью Востока.

Расставаясь с Магдой в сумерках, расцветенных желтыми огнями, Глебов, как пьяный, возвращался в отель, бросался на кровать в прохладном номере с окнами, выходящими на канал, и до утра перебирал в памяти – камешек за камешком, стеклышко за стеклышком – каждую частичку, которые складывали ее непостижимый образ. Пронизанный солнцем венецианский витраж... византийское панно... римская мозаика...

А утром он лихорадочно собирался – мылся, брился, приглаживал расческой непослушный ежик волос, уже ощущая внутреннюю дрожь, возбуждение, гул крови в артериях. Бегом спускался на первый этаж, выходил на улицу, залитую лазурью и золотом, и до встречи с Магдой умирал от желания только прикоснуться к ее руке, увидеть заложенную за ухо прядь ее волос, длинную линию шеи, ложбинку груди в вырезе открытого яркого платья...

Стоило ей появиться, и Глебову казалось, что он сидит на карусели, а какая-то скрытая сила принимается ее вращать... быстрее и быстрее... и вот уже ничего нельзя разглядеть, все мелькает, кружится голова, а в груди возникает пустота, как перед полетом в неизвестность.

Магда показывала ему Венецию, будто она жила там много веков подряд. Часовую башню с маврами, Дворец дождей, росписи Тициана и Веронезе, Библиотеку Святого Марка, мост Риальто...

– А здесь жила Дездемона, – сказала она, беря его за руку – и словно тысячи огненных игл впились в его тело, обжигая. – Потом ее похитил жуткий ревнивый Отелло!

Она повернулась к Глебову, как бы намекая на некую свою и его причастность к сему факту, и медленно, с придыханием засмеялась. А он с ужасом почувствовал, с каким наслаждением можно сжимать железными пальцами нежное женское горло...

– Все мужчины ревнивы? – заигрывая, спросила Магда. – И ты тоже мог бы убить? Признайся...

Он, плохо соображая, кивнул.

– Здесь жила Дез-де-мо-на... – гортанным голосом воркующей голубки повторила она. – Слышишь звенящие колокольчики? Ее имя все еще звучит здесь...

Алексей поднял глаза на маленькое палаццо с высокими стрельчатыми окнами и ажурными балконами.

– В лунную ночь она выходит на балкон, – прошептала Магда, прижимаясь к нему. – Хочешь ее увидеть?

– Нет... нет. Зачем?

Он наклонился и сухими от жара губами неловко поцеловал ее в подбородок, в шею, в вырез платья. Лодка, где они сидели, покачивалась на мутной воде, и оттого все вокруг казалось зыбким, нереальным. На стене дворца мерцали солнечные пятна.

– Женщины ревнуют сильнее мужчин, – проговорила она, не отстраняясь. – Если ты мне изменишь когда-нибудь... я тебя убью.

Ее слова были тем более странными, что Глебов в любви не объяснялся и клятвы верности не давал. Но после этого он уже оказался связанным такой клятвой – и не только не возражал, а обомлел от счастья. Прикажи она ему сейчас умереть – он бы, не раздумывая, бросился в канал.

Наверное, его заворожили, околдовали средневековые камни, неуловимый дух Венеции и флюиды нескончаемой череды любовников, дающих друг другу заведомо невыполнимые обещания.

На следующий день пошел дождь. Капли косо падали в воду, и город, подобно стыдливой красавице, надел серебристую вуаль. Сквозь нее проступали призрачные арки и колонны, византийские купола церквей, готические шпили.

Волосы Магды намокли и завились на концах колечками, влажная кожа блестела.

– Сверху Венеция похожа на рыбу, – говорила она, склонив голову на плечо Глебова. – Голова, брюшко, хвост... Но любоваться ею надо не с неба, а с воды. Она создана для взгляда из лодки. Ее нельзя пройти... только проплыть. Ты когда-нибудь стоял на коленях перед женщиной? – вдруг спросила Магда.

– Нет, – честно признался он.

– На этот город нужно смотреть, как на женщину с колен, – с восхищением и любовью...

Венеция слилась с Магдой тем дождливым днем. Они обе обожали украшать себя и любоваться своей красотой. Одна гляделась в зеркало, другая – в воду. Поэтому зеркала родились именно здесь – на острове Мурано – и стали называться венецианскими.

Магда жила в маленькой гостинице далеко от центра – она ненавидела шум, толпу, громкую музыку. Туда она и привела Глебова, когда они совсем вымокли и продрогли. Утощала его густым сладким вином, и он неожиданно захмелел, потянулся к ней холодными губами, опрокинул на спину, навалился, разрывая скользкий шелк платья... Магда смеялась и стонала, ее зубы блестели в красном сумраке тесного номера, зрачки вспыхивали, как кошачьи глаза, а тело извивалось, принуждая его применять больше силы. Глебов никогда бы не поверил, что способен на такое – не совладать с собой, наброситься на женщину, порвать одежду... Кошмар! Их неистовая любовная борьба закончилась взрывом, который ослепил и оглушил Глебова, опустошил его, вынул у него сердце и бросил к ногам Магды...

Она заставила его опуститься на колени и вымаливать прощение.

– Ты насильник! – смеялась она. – А я люблю нежных мужчин... Ты едва не растерзал меня.

Он каялся, хотя был уверен, что она сама этого хотела.

Магда подошла к окну, подозвала его жестом насытившейся львицы и приподняла красные шторы. Темноту, полную дождя, прорезывали огни. По черной воде узкого канала плыла лодка, в ней стояли люди в традиционных итальянских карнавальных костюмах – Шут, Арлекин, Пьеро, Коломбина, Панталоне. Звучала музыка... Один из ряженных поднял голову и помахал кому-то рукой.

Магда побледнела и отшатнулась.

– Что с тобой? – удивился Глебов.

– Он нас увидел... – растерянно прошептала она.

– Кто?

– Не важно... Кто угодно. Чужой... Маска!

– Так ведь карнавал скоро. Венеция – город масок.

– Раньше здесь все ходили в масках... – кивнула она. – От дожа до последней служанки или торговки рыбой.

– Чего ты испугалась?

– Я? Кто тебе сказал?

Она, совершенно нагая, была прелестна. Свет проникал с улицы в комнату через красные шторы и придавал ее коже и волосам бронзовый оттенок.

– Не смотри на меня... – смутилась Магда. – Давай притворимся, будто это не мы. Другие любовники, например, мавр и Дездемона. Или Ромео с Джульеттой...

Глебов засмеялся.

– Тебе весело, Алекс? Я сумела тебя развеселить?

Она грациозно присела и достала из тумбочки две белые маски volto,⁵ – настоящие, венецианские. Протянула одну Глебову, другую надела сама.

– Теперь это уже не я и не ты...

Ее обнаженное тело, распущенные по плечам волосы и белоснежное «лицо» с темными прорезями для глаз производили странное впечатление. Она приблизилась к Глебову и провела по его торсу ладонями, едва касаясь. Ее пальцы порхали, а неподвижное «лицо» замерло напротив него. Две маски сделали их таинственными незнакомцами и дали свободу фантазии. То, что целоваться уже было нельзя, оказалось очень эротичным...

Ночной ветерок приподнимал шторы, неся с собой острый, свежий запах лагуны, прохладу и отголоски музыки. Где-то веселились участники будущего карнавала, кто-то быстро переговаривался по-итальянски на первом этаже гостиницы... Все это смешивалось с дыханием женщины-маски, исходящей от нее страстью, пропитанной ароматом абсента и миндаля...

Эта венецианская ночь открыла Глебову всю глубину его невежества в любовной мистереии, когда мужчина и женщина священнодействуют как два вселенских начала, а не как два жаждущих оргазма двуногих. Женщина-маска вела его за собой по лабиринту наслаждений, где он познавал таинство за таинством, посвящение за посвящением...

Эта ночь превратила его в раба. Он окончательно потерял голову. Первое, что он сделал, проснувшись в полдень, – начал умолять Магду стать его женой. Она отказывалась. Позвонила и заказала в номер устрицы, виноград и шампанское. Без маски, в тонкой желтой тунике она выглядела милой и утомленной долгими ласками. Ей хотелось валяться в постели, потягивая вино, курить кальян.

– Я люблю тебя... – твердил Глебов. – А ты?

Она смеялась над его признаниями, и ему самому стало вдруг неловко – такими пустыми, ничего не значащими показались слова «люблю», «выходи за меня замуж». Он впервые осознал, как беден, несовершенен и груб язык людей и как он сам беспомощен и неуклюж в попытке выразить свои чувства.

Магда сжалась над ним и закрыла ладонью его губы:

– Молчи...

⁵ Volto – нейтральная маска, копирующая классическую форму человеческого лица.

Глава 4

Москва

Господин Феоктистов, отдуваясь, прогуливался по одичавшему парку. Ранней весной здесь особенно ощущалось запустение. Если бы не аллеи, неухоженные посадки выглядели бы как редколесье. Снег на дорожках растаял, обнажив прошлогоднюю листву, и ботинки бизнесмена оставляли в ней глубокие вмятины. Он с трудом, сетуя на свою тучность, добрался до круглой беседки с колоннами и остановился, любуясь открывшимся видом. Лес и равнина с черными проталинами на ослепительном солнце казались синеватыми.

Охранник поставил боссу раскладной стульчик в беседке.

– Не буду сидеть, холодно, – буркнул тот. – Убери!

– Хорошо, Игорь Владимирович, – кивнул тот, не двигаясь с места.

По опыту он знал: босс умаялся, но не садится из гордости. Отдышитесь и сядет, начнет философствовать. Братцевский парк располагал его к пространным рассуждениям о бренности всего мирского, о забытых судьбах некогда богатых и влиятельных людей, о нетленной красоте природы...

На сей раз охранник ошибся – Феоктистов достал телефон и призвал к себе начальника по безопасности.

«Чудит старикан, – думал охранник. В его двадцать четыре пятьдесят шесть лет Феоктистова представлялись старостью. – То велел Таврину в машине оставаться, то теперь зовет. Семь пятниц на неделе! Интересно, в его возрасте все такими становятся?»

Начальник охраны не заставил себя ждать. Хозяин любит исполнительность и расторопность, его лучше не злить. Особенно, когда у него почки пошаливают.

Перед этим Феоктистов заезжал в частную клинику, к известному в Москве профессору-урологу. Поступал он так в самом крайнем случае, когда справиться с болезнью становилось невозможным, – Игорь Владимирович терпеть не мог больницы и все, что напоминало о хрупкости человеческого организма и смерти.

Игорь Владимирович с брезгливой grimасой уставился на Таврина – молодость, отличная физическая форма и мужественные черты лица начальника службы безопасности невольно составляли контраст заплывшей жиром фигуре и одутловатой физиономии коммерсанта. Нарушение обмена веществ зашло так далеко, что никакие процедуры, заграничные курорты и самые чудодейственные диеты уже не помогали Феоктистову сбросить вес. При всем том он умудрялся волоочиться за хорошенькими женщинами и покупал их любовь, не жалея денег. А их Феоктистов успел заработать столько, что хватило бы на три жизни. К сожалению, в его распоряжении была только одна, что ужасно удручало Игоря Владимировича.

– Чем порадуешь, любезный? – раздраженно проскрипел он. – Как твой подопечный?

Охранник смотрел вдаль, делая вид, что не прислушивается. Возможно, ему и правда было наплевать на разговор между боссом и Тавриным, но они сразу условились не называть имен. Береженого Бог бережет.

– Вы, как всегда, оказались правы, Игорь Владимирович, – понизил голос начальник по безопасности. – У него есть любовница.

– Кто такая?

– Пока неизвестно. Выясню, Игорь Владимирович.

– Поторопись, Гриша. Не люблю ждать. Стервец, а? Что его не устраивает, по-твоему?

– Трудно сказать, Игорь Владимирович.

Господин Феоктистов был очень богат и очень сластолюбив. Несмотря на проблемы со здоровьем, он умудрялся менять одну женщину за другой. Его первая жена умерла несколько лет назад, со второй он развелся и дал волю своему либидо. Хотя обе супруги не мешали его похождениям, свобода от брачных уз дала новый толчок увлечениям Игоря Владимировича. Он выслеживал понравившихся ему женщин, охотился за ними, как голодный лис за дикими уточками. И уж если они попадали к нему в пасть, то шансов вырваться не было никаких – деньги и подарки, которыми он их осыпал, творили чудеса. Стройные блондинки, пышногрудые брюнетки, рыженькие и русые, тонкие и в меру упитанные дамы сами шли к нему в руки, загипнотизированные толщиной его кошелька и обходительными манерами. При всей своей несоблазнительной внешности, он умел угодить женщинам и превосходно знал их слабые места.

Насыщаясь, Феоктистов отпускал их с миром и порой награждал приличным приданым – если партнерша пришлась ему очень по вкусу, она могла рассчитывать на его щедрость. Расставшись с очередной подружкой, он никогда больше не вспоминал о ней, словно та раз и навсегда исчезала не только из его постели, но и вообще из жизни.

В последний год кое-что изменилось. Не то наступило затишье в душе Феоктистова, не то он выдохся, – возраст, как ни крути, почки, сердечко, давление, избыточный вес опять же... Словом, банкир утомился, перестал стрелять глазами за каждой юбкой и облизываться при виде кругленькой попки и длинных ножек. И вот новый всплеск.

«Рано в расход списали босса, – думал Таврин, стоя за его спиной и переминаясь с ноги на ногу. Он был щеголем, и вместо теплой обуви носил модную, что иногда доставляло неудобства. – Феоктистов еще в силе. Ишь, как его *разбирает!*»

– Прекрасная беседа, – вдруг сказал тот, поворачиваясь к начальнику охраны. – Но в негодном состоянии. Капитальный ремонт нужен, реставрация. Колонны облупились, свод потрескался...

«Тебе бы тоже не помешала реставрация», – отметил про себя Таврин.

Никто не спрашивал его мнения, поэтому он сдержанно улыбнулся и слегка наклонил голову. Ожидая, мол, дальнейших указаний.

– Видишь постамент? – Феоктистов указал пальцем на середину беседки. – Здесь раньше статуя Амура стояла. Из мрамора. А теперь – пустой пенек. Безобразие...

Таврин научился читать мысли босса, тем более, что у Феоктистова они текли в одном направлении. Не зря он заговорил об Амуре.

– Ну, как она – хороша?

– Хороша, Игорь Владимирович.

Таврин знал толк в женщинах. Он был женат, но позволял себе связи на стороне.

– Ты гляди у меня! – погрозил пальцем толстяк. – И думать не смей! В порошок сотру... Видишь, болота в низовье? Туда если труп бросить, нипочем не найдут.

Таврин напрягся. Молодой охранник вздрогнул, по его накачанному телу побежали мурашки. Он старательно разглядывал кору на ближайшей березе, жалея, что не отошел подальше.

– Она опасная женщина, Игорь Владимирович, – прошептал Таврин, наклоняясь к боссу. – Может быть, не стбит...

– Ты кто такой, чтобы меня учить? Твое дело – мои приказы выполнять! Стоит, не стоит... Что вы понимаете, сопляки? Все в жизни чего-то да стоит, только мало кто истинную цену знает. А еще меньше способных заплатить...

* * *

Камышин

Матвей натопил баню. В парной висел горячий травяной туман. Здесь все было деревянное, душистое: стены, пол, полоток, настилы, бочка с водой, бадейка, ковш для обливания – и он в очередной раз порадовался, как хорошо тут все устроил.

– Ну, все, иди... – выпроваживала его Астра. – Я сама буду мыться.

– Не угоришь?

– Постараюсь.

– А веничком кто по тебе пройдетя?

Его взгляд остановился на сумке, которую она захватила с собой в предбанник, и его брови поползли вверх.

– Ты что, взяла с собой *зеркало*?

– Да, взяла. Для гадания. Оказывается, гадать надо ночью, в бане, нагишом. Мне Катя рассказала.

Катя – двоюродная сестра Астры по линии матери – недавно приезжала из Богучан в Москву: погостить, повидаться с родственниками. Ей представили Матвея как будущего зятя Ельцовых.

– Мужчинам можно присутствовать? – на всякий случай спросил он, уже предвидя отрицательный ответ.

– Ни в коем разе! Давай выходи отсюда. Мне нужно подготовиться.

– Девушки хотят суженого *взеркалеу*видеть. А тебе зачем гадать? Я твой суженый!

– С чего ты взял? Мы просто играем... в жениха и невесту.

Она бывала невыносима. Матвей старался не выказывать разочарования.

– Ты уйдешь или нет?

Он нехотя удалился. Оставшись одна, Астра отчего-то погрузилась, вздохнула. Что ей хочется узнать с помощью гадания?

Сняв с себя всю одежду, она достала *зеркало* и установила его на деревянной столешнице. Зажгла две свечи по бокам, села напротив... Золотистая венецианская амальгама слепила, отражая язычки пламени. У Астры перед глазами поплыли радужные круги... Может быть, от горячего влажного воздуха ей стало нехорошо. «Не надо было отпускать Матвея... – запоздало пожалела она. – Грохнусь в обморок ненароком и точно угорю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.